

что разум сначала действует в этой сфере, создавая формы. А затем обращается к эмпирическому опыту, соединяя и наполняя эти формы чувственно-наглядным содержанием. В этом процессе раскрывается то, как дух творит действительность.

В результате Э. Кассирер не только раскрывает деятельность духа, но еще более конкретизирует понятия «духовное» и «дух». Духовное предстает сферой реализации духа, т.е. тем, что дух воплощает в жизнь. Как таковое, оно включает в себя культуру, историю и определенный уровень внутреннего мира человека – интеллектуальную деятельность разума. Таким образом, внешняя и внутренняя стороны духовной жизни человека оказываются связанными воедино.

Но Э. Кассирер выделяет два новых компонента духовного. Во-первых, объективные ценности. Этим закладывается аксиологический аспект исследования духовного мира человека и духовной жизни общества. Во-вторых, символическая реальность. На роль символов в исследовании духовного указывали и до него. Но он в полной мере показал их роль и значимость, подняв статус символов до самостоятельного вида реальности. Э. Кассирер показал, что живя в созданном им мире культуры и истории, человек только через эту реальность взаимодействует с внешним миром.

Такое видение духовного добавило новые моменты и к трактовке духа. Дух как формотворчество есть деятельность, в ходе которой создаются культура и история. Дух опирается на разум человека и поэтому выражается в его интеллектуальных

способностях. Но дух создает не только вещи, но и объективные ценности – все, что значимо для человека. Отсюда перед духом человека встает еще одна задача: освоение и оценка мира культуры и истории. Она решается через работу с символической реальностью, умение понимать и оперировать символами.

По сути, Э. Кассирер впервые показывает, что с развитием цивилизации духовная жизнь человека обретает два аспекта. 1) Формотворчество. 2) Деятельность по освоению культурно-исторического наследия. Соответственно и духовное развитие человека идет по двум линиям: развитие творческих способностей, или как модно говорить сегодня, его креативности, и посредством образования – расширения культурного кругозора. Именно поэтому Э. Кассирер говорит, что дух преобразует жизнь, так как деятельность духа позволяет человеку непрерывно восстанавливать мир и вести поиск самого себя, своей идентичности.

Литература:

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. // Проблема человека в западной философии. – М., 1988, С. 5.
2. Там же, С. 10
3. Там же, С. 17
4. Там же, С. 25
5. Там же, С. 28
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы // Культурология XX век. Антология. – М., 1995, С. 209.

Е. В. Власова

ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ, ГДЕ СТОРОНА?..

**Власова
Елена Владимировна**

кандидат философских наук,
доцент, зав. кафедрой философии
УрГМА

Топография человеческого тела всегда была подвержена моральным критериям. Например, дуализм левого и правого, столь четко обозначенный у пифагорейцев, пронизывает всю греческую философскую мысль. Так, у Гомера с правым связаны активная сила и жизнь, а с левым – пассивная слабость и смерть. Это не кажется слишком уж удивительным, если мы вспомним, что в правой руке обычно держат копье, а в левой – щит. Фукидид – афинский историк, отмечал страх, который каждый воин испытывает, увидев свою правую часть открытой. У медиков гиппократовской школы считалось, что зачатие мальчика происходит в правой части матки, а девочки – в левой; что правый глаз зорче, что правая грудь сильнее, чем левая; что у беременной женщины устанавливается связь между мужским зародышем и правой грудью... Со времён Аристотеля вплоть до XX века считалось, что если мужчина перевяжет себе правое яичко, - будет девочка, а если перевяжет левое – будет мальчик. Любопытно и то, что пифагорейцы, также как и древние китайцы,

связывали правое с верхом, идентифицируя его с добром, а левое – с низом, идентифицируя его со злом. Именно с этим превосходством правого связаны некоторые привычки и обычаи, которым следовали пифагорейцы – акусматика: в храм было принято заходить справа, а выходить – слева; надевать обувь, начиная с правой ноги, а снимать, начиная с левой. Известен исторический прецедент, когда победа была достигнута за счёт нестандартного военного решения: наступления левым флангом.¹

У китайцев ян – мужское начало ассоциировалось с верхом тела, с правой его стороной, с наружными его поверхностями, в то время как инь – женское начало связано с нижней частью тела, с левой стороной и внутренними поверхностями. В южной Индии оппозиция правого и левого является элементом кастовой символики. Но правилом является моральная окрашенность: правое (мужское) – возвышенное, совершенное и сакральное, а левое (женское) – низменное, постыдное и профанное.

Оппозиция «возвышенного верха» - «низменного низа», впервые отчетливо сформулированная еще древними греками, прошла через все этапы развития европейской культуры и сохранилась по сей день. У Эразма Роттердамского, философа эпохи Возрождения, мы находим прямо-таки фрейдистский пассаж: «Юпитер... заточил разум в... тесном закутке черепа, а все остальное тело обрек волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит

нижней половиной, до признака зрелости. Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь: пусть его вопит до хрипоты, провозглашая правила чести и добродетели, - бунтовщики накидывают своему царю петлю на шею и поднимают такой ужасный шум, что он, в изнеможении, сдается и на все изъясняет свое согласие»².

Замечательный интеллект своего времени остроумно высветил уже сложившуюся оппозицию «мужское – женское», рекомендуя «сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума...». Со свойственной ему иронией он рассуждал: «Скажите, пожалуйста, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела из тех, что слывят добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем иная часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота. Таков, однако, источник более священный, нежели числа Пифагоры, и из него все живущее получает свое начало»².

Чрезвычайно интересный вариант мифа об андрогинах мы находим в фольклоре славянских народов. В те времена, когда человек был единым целым, мужчину и женщину соединяла общая толстая жила, которую по наущению дьявола, порвала сама Ева. Некогда общая жила досталась мужчине, а женщине – лишь дырка. С того времени они ищут друг друга по всему свету, чтобы вновь срастись и стать единым целым³. Попытка совместить эту историю с библейской историей о сотворении женщины нашла своё отражение на одной из крестьянских православных икон. Из левого (!) ребра Христа (а не Адама!) растёт виноградная лоза – символ жизни. Она огибаёт крест и спускается с правой стороны. На ней – гроздь винограда.

У маори есть предание о том, что женщина для первочеловека была сделана им самим из собственного левого ребра. А в Европе, в те времена, когда вскрытие трупов было запрещено, предполагали, что у мужчин с левой стороны не 12, а всего лишь 11 рёбер⁴.

Человеческое тело и лицо не абсолютно симметрично. Более того, деформации усиливаются по мере жизни. Считается, что до 30 лет человек имеет то лицо, которое ему дано родителями, а после 30 – которое заслужил. Так что физиогномика, которая не без оснований считалась лженаукой, всё-таки имеет под собой некоторые объективные основания: функциональные изменения, закрепившиеся морфологически. Изучением этих изменений занимаются наследницы физиогномики – персонология и морфопсихология. Так, у людей с преобладанием левого полушария, более богата мимика правой стороны лица.

Большой интерес у людей всегда вызывал феномен леворукости. Иногда леворукость расценивалась как признак избранности, необычности и сверхъестественных способностей, как символ иного мира. Чаше левая сторона тела и левая рука выступают символами женского начала. В древних захоронениях мужские скелеты обычно лежат на правом боку, а женские – на левом. Левшей в человеческой популяции около 10%, причём мужчин в два раза больше, чем женщин. Среди них немало выдающихся личностей, таких например, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Ганс Гольбейн Младший, Наполеон, В. Даль, И. Павлов, В. Маяковский, Ч. Чаплин и другие. Несмотря на это, в обыденном сознании, а значит, и в языке закрепилось

представление о том, что левая рука – ленивица, неряха, «неловкая» (во Франции), «неуклюжая» (в Греции), «утомлённая и испорченная» (в Италии). В противоположность правой левая сторона всегда связывалась с неудачей, несчастьем, с происками нечистой силы и с бедой.

Главенство правой руки отражается во многих обычаях. У некоторых горных народов Кавказа принято было отрубать правую руку убитого врага и прикреплять её к дверям своего дома как знак абсолютной победы. Аксиологическая окрашенность столь значима, что иногда это приводит к своеобразному «разделению труда» между левой и правой рукой. Например, правоверный мусульманин старается не дотрагиваться до пищи левой рукой, а до интимных органов – правой, чтобы не осквернить её. В исламских странах у укравших (в первый раз) по законам шариата отсекают кисть правой руки. А «рука Фатимы» (правая) является не просто дверной ручкой, а своего рода оберегом, защищающим дом от злых сил.

Присмотримся повнимательнее к скульптуре Пьера – Огюста Ренуара «Собор». Две (заметьте, правые !) руки, выражающие целую гамму чувств, взывают к небу, одновременно пытаясь договориться между собой. Скульптура чрезвычайно выразительная, красноречивая и заключающая в себе неоднозначный символический смысл.

Весьма отчётливо прослеживается отношение к левому и правому в народных приметах, присказках и поговорках. «Когда зудится правая рука, то это к деньгам, а когда левая – то к их потере». «Левый глаз чешется к слезам, а правый – к радости и веселью». «За левым плечом стоит чёрт – искуситель, за правым – ангел – хранитель». Встанешь с левой ноги – весь день будет неудачным.

В фольклоре различных народов очень часто помимо тем единства и целостности (андрогинизм) и аксиологии левого и правого встречается диалектическая идея трансформации одного в другое. Изменение правого (главного) в левое – типично женское. Убедительность такому превращению придаёт поэтапность. Мужчина-шаман использует сначала ритуальную значимость своей левой руки, а затем женскую одежду, превращаясь в женщину. Особенно наглядно этот механизм превращения показан в фильме Сергея Параджанова «Цвет граната», где поэта и его возлюбленную играет одна и та же актриса. Ещё одним механизмом феминно – маскулинной трансформации является мода. Её диапазон – от лёгкой культурной коррекции (например, накладки на бёдра или плечи) до полного преображения при помощи переодевания. Превращение правого в левое, мужчины в женщину, века в низ типично и для карнавальной культуры.

Этнографическая и историческая литература даёт нам богатейший материал для размышлений и обобщений. Так например, практически у всех народов была принята после рождения ребёнка его «доделка» или «переделка»: тельце надо было сформировать. Девочке талию делали тонкой, а бёдра широкими, чтобы, войдя в возраст, ей легче было носить своего ребёнка. Иногда кормилицы хватили через край: чтобы сделать утробу как можно больше, они совершенно раздавливали туго обмотанную пелёнками грудную клетку.⁵ Семантика духовного, творческого верха и рождающего низа прослеживается и в запрете на касание головы ребёнка чужим человеком, и в тибетском веровании о космической верёвке, прикреплённой к темени человека, по которой передаётся ему жизненная сила, и в

индийских представлениях о верхней чакре, и в представлении о том, что для оплодотворения женщины в неё через голову должен войти дух-эмбрион, а затем он по телу опускается в матку. Рост зубов ребёнка также отражает космогоническое единство верха и низа, неба и земли. Особое отношение к зубам нижней челюсти – широко распространённая универсалия культуры, особенно очевидная у архаичных народов. Существует даже культ нижней челюсти, которую отделяют от тела умершего и берегут, наделяя её способностью обеспечивать плодородие.

Вероятно, именно эти древнейшие представления побудили Платона, который размышлял о локализации в человеческом теле неоднородной души, предположить, что разумная часть души находится в голове, аффективная – в груди, а вожделеющая – в животе. По существу, эти предположения абсолютно аналогичны древнеиндийскому учению о специализации чакр и древнекитайскому учению о предназначении дьянь-тяней

(центров скопления жизненной энергии).

Поскольку человек всегда соотносил себя со своей средой обитания, то семантика правого и левого, верха и низа антропоморфно переносилась и на жилище, и на ландшафт, и на пространство, и на космос в целом. Таким образом, ценностное отношение объединило антропологию, культурогенез и космологию.

1. Видаль-Накэ П. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. - 419 с.
2. Роттердамский Э. Похвала глупости. М., 1971 – 769 с.
3. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. – 335 с.
4. Этингген Л. Е. Мифологическая анатомия. М., 2006 – 528 с.
5. Гуревич Д., Рапсат – Шарлье М.-Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006 –260 с.

Ф. П. Фурман

НАРОДНИЧЕСТВО: ОТ НАРОДОЛЮБИЯ ЧЕРЕЗ НАРОДОВЕДЕНИЕ – К НАРОДОВОДСТВУ

Фурман
Феликс Павлович

кандидат философских наук, доцент. г. Нижневартовск

История идейно-политического и культурно-исторического явления русского народничества весьма поучительна с точки зрения эволюции его центрального смыслового ядра – категории «народ». Однако, если быть более точными, то следует признать, что это была, скорее, мифологема, нежели сколько-нибудь строгая научно-теоретическая конструкция. Ее эволюция в народничестве, а тем более – ее судьбы в рамках более поздних идейно-политических течений выступают той «призмой», через которую просвечивает ряд закономерностей, помогающих понять и события современности¹.

В 70-е годы XIX века в центр общественно-политической жизни России выдвигается особенный феномен: беспредельное «народолюбие». По известному выражению Н. К. Михайловского появляются «кающиеся дворяне», которые вдруг всецело посвятили свою жизнь тому, чтобы заглядеть перед мужиком вековую вину барства-интеллигенции. В 1875 г. публикуется небольшая статья в «Неделе» о том, «почему литература пришла в упадок» никому прежде неведомого писателя П. П. Червинского. С нее фактически началась обширная литература журнальных и газетных статей, исследовавших основной тезис статьи: интеллигенция должна учиться нравственности у «деревни». Стремлением к идеализации народа отличалась так называемая «мужичья беллетристика». В то же время производится организация ряда специальных комиссий в Географическом и Вольном Экономическом обществах, посвященных научному констатированию замечательных «особенностей» нашей народной жизни.

Н. Бердяев писал: «Народничество есть столь же характерно русское явление, как и нигилизм, как и анархизм. У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западничское, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен,

Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов — одинаково народники, хотя и по-разному». Он объяснял, что народничество есть прежде всего «вера в русский народ». Под народом же нужно понимать трудящийся «простой народ», главным образом, крестьянство. По мнению Бердяева, русские народники всех оттенков верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов. В основе народничества лежало чувство оторванности интеллигенции от народа. Интеллигенты-народники не чувствовали себя органической частью народа, народ находился вне их.

Он обращает внимание на значение чувства вины перед народом, которое играло огромную роль в психологии народничества: вся культура, полученная интеллигенцией, создана на счет народа, на счет народного труда и это налагает тяжелую ответственность на приобщенных к этой культуре. При этом, если религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, то народничество безрелигиозное и антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда. Но все русские народники сознавали неправду своей жизни Настоящий человек, человек не подавленный чувством вины, грехом эксплуатации своих братьев, есть трудовой человек, человек из народа.

Еще более далеко идущий вывод, следовавший из народнических построений, отмечает Бердяев, - состоит в том, что культура сама по себе не есть оправдание жизни, она куплена слишком дорогой ценой порабощения народа. Народничество нередко бывало враждебно культуре и во всяком случае восставало против культурупоклонства.

С самого начала народничество, как общественно-политическое и прежде всего литературно-художественное и публицистическое явление, предстало сложным образованием, которое включало народничество славянофильского, религиозного типа, видевшее главную вину культурных, высших классов в отрыве от религиозных верований народа и от народного быта, а также — народничество социалистического